

ЧАСТЬ 1

Шары

Пашка сидел посреди комнаты на узле с вещами. Мама Нина Петровна вышла в сени и разговаривала с хозяйкой, своей двоюродной сестрой, — Пашка слышал их голоса из-за двери. Слов было не разобрать, но тон разговора угадывался. Пашка знал, что мама нервничала перед этой встречей: как-то примет их тётя Таня в свой дом, удобно ли будет хозяйствовать в одной, хотя и большой, избе, и в итоге — не придётся ли, не успев добраться до столицы, искать новый угол для жилья. Почему так могло случиться, Пашка не понимал — ведь тётя Таня сама позвала маму к себе. Муж тётя Тани, непутёвый запойный плотник дядя Мартын, год назад пропал без вести, не вернувшись с заработков, и тётя Таня с тех пор не раз — чуть не в каждом письме — приглашала родню пожить у себя: вместе всё веселее. Когда вопрос с переездом встал ребром, тётя Таня не поленилась подыскать для мамы работу, и эти поиски, к маминому удивлению, быстро увенчались успехом: в сельскохозяйственной академии недавно завели небольшое стадо породистых швейцарских коров, и требовались крестьянские руки для ухода за «иностранцами». Так что беспокоиться о своём будущем Нине Петровне, по мнению Пашки, не стоило. Но он

Часть 1. Шары

знал свою маму: пока не обживётся в доме, пока не вникнет в каждую мелочь по хозяйству, а главное, пока не сойдётся поближе с тётёй Таней — всё будут «охи» на каждом шагу и сокрушение: «Что-то завтра будет?» Поэтому он нимало не удивлялся, что обычно певучий и сильный голос Нины Петровны звучал сейчас за стенкой неуверенно и даже как будто приниженно. Хозяйка отвечала успокоительно и приветливо. «Мамка с ней поладит», — подумал Пашка и стал озираться по сторонам.

Новое жилище было очень маленьким, гораздо меньше их старого посадского дома. Приземистый потолок, маленькое окно с мутным стеклом, засиженным мухами, закопчённые стены, пара табуретов, лавка, лежанка в углу. Небольшая кирпичная печь (на хозяйской половине была огромная, русская) — вот, почитай, и всё убранство.

Пашка спрыгнул с узла и растянулся на лавке. Красота! После тряской подводы, после душного битком набитого поезда, даже после невиданного доселе трамвая как хорошо было растянуться на длинной деревянной доске, которая никуда не ехала, не подпрыгивала и не стучала на стыках рельсов...

Пашку разбудил встревоженный — он всегда был таким в последнее время — голос Нины Петровны: «Иди чайку попей — и в храм; нас Таня проводит». Хорошо хоть весь день не проспал! Он отправился на хозяйскую половину, прошёл в кухню, попил чаю с большой белой булкой (тётя Таня припасла для гостей) и выбежал во двор. Мама с хозяйкой ждали его у ворот. Путь до церкви оказался недалёким. Шли по узкой улице, застроенной по обеим сторонам одноэтажными домами. Некоторые были простыми, деревенскими, — из

Часть 1. Шары

кругляка, с рядом маленьких окошек, выходящих на улицу и крошечный палисадник; с геранями в окнах и лохматыми котами на столбах ворот. Другие ходили скорее на господские дореволюционные дачи — Пашка знал несколько таких в окрестностях Рязани: с высокими мезонинами и большими окнами, с просторными открытыми верандами и беседками в садиках.

Тётя Таня на ходу объясняла, что слободка их — вообще-то старинное дачное место. Здесь, за городом, ещё с середины прошлого века принялись строить летние дома господ средней руки: преуспевающие врачи, инженеры, адвокаты, аптекари — словом, обеспеченная публика, которая не желала уезжать далеко от столицы, так как была связана делами в городе. К рубежу столетий в слободке насчитывалось уже до сотни домов.

А в начале империалистической рядом с академией разместился летний военный лагерь, где формировались новые части для отправки на фронт. Командир одного из полков, по просьбе солдат, решил поставить неподалёку от лагеря лёгкую деревянную церковь. Полковник обратился за помощью к известному архитектору, имевшему дачу в поселке «у Академии». Зодчему потребовалось несколько дней, чтобы составить простой, без излишеств («но добротный!» — по словам тёти Тани), проект. Дальше дело двигалось так же скоро: день-два — привезли стройматериалы, набрали рабочих, многие мастеровые с округи подрядились помочь Христа ради, бесплатно, — и за месяц поднялась церковь в северном русском стиле.

— Великая княгиня на освящение приезжала, — тихо сказала тётя Таня. — Понравился ей храм... Да что говорить,

Часть 1. Шары

всем понравился, даже самому архитектору. Строгий был, не любил хвалиться, а тут: «Лучшая из моих построек» — сказал.

...Пока что виднелся только деревянный шатёр — он то показывался, то исчезал за деревьями и домами. Наконец вышли из-за угла на улицу, ведущую к храму. Увидели здание целиком. По рассказу тёти Тани Пашка ожидал чего-то большего, но церковь действительно оказалась красивой — изящной, но не вычурной. Высокий и тёмный шатёр вызывал в памяти картинки Билибина из русских сказок, книжку с которыми Пашка зачитал до дыр. Шатёр завершался маленьким куполом, покрытым осиновым лемехом. Над входом возвышалась тоже простая, без затей, звонница под небольшие колокольчики. Но колоколов на звоннице сейчас не было.

Встали у входа в церковь, мама хотела дождаться батюшку — благословиться на новое житьё-бытьё.

Вокруг храма собралось довольно много людей — видимо, к вечерней службе. Народ по виду был свой, как будто не городской. Несколько степенных мужиков с окладистыми бородами, бабы в больших ярких платках, две девочки-тихони в сарафанах. Вдоль забора разгуливал большой пушистый кот, он не пугался людей и милостиво давал себя гладить. Сквозь пролом в заборе во двор заглядывала старая общипанная коза и задумчиво жевала травку.

Пашка, увидев такую привычную домашнюю картину, вдруг невольно почувствовал, как много нового вошло, даже ворвалось в его жизнь за один день. Другого, чуждого такому вот мирному укладу.

...Ехали сюда с вокзала на трамвае — «спасибо, добрые люди подсказали, а то совсем бы пропали в этой шальной

Часть 1. Шары

столице», как выразилась Нина Петровна. От перрона дотащились с узлами до остановки и долго стояли, поджидая свой «номер тридцать четыре». Площадь оглушала непрерывным шумом: звонками и грохотом трамваев, криками, голосами, стуком каблуков о неровную брусчатку. Со всех сторон доносился шорох шин грузовиков и гудки легковых машин. Некоторые автомобили были совсем новенькими, они весело поблёскивали свежим лаком на майском солнце; Пашка устал крутить головой, провожая их взглядом. Даже забылась усталость — таким всё вокруг казалось интересным и новым.

Подкатил громыхающий трамвай с длинной «колбасой». Им повезло — площадка остановилась прямо напротив. Нина Петровна с недоумением воззрилась на запертые трамвайные двери.

— Эй, гражданка, — закричали сзади, — чего рот раззявила?

Кто-то открыл створку, и мама, подхватив Пашку под локоть, стала неловко карабкаться на подножку. Её подтолкнули, и вот — они внутри; Пашка сидит на коленях у матери и выглядывает из-за чьего-то портфеля в окошко. Вокруг — не продохнуть, со всех сторон теснят; кто-то кричит, что отдавили ногу. «Эй, гражданин, да не напирайте вы, к лешему!»

Мимо мелькают дома, деревья, фонари, и повсюду — толпы, толпы людей. Красноармейцы, марширующие по железнодорожной площади, штатские с портфельчиками, бегущие по тротуарам к подъездам новых зданий, солидные товарищи в красивых чёрных кожанках, весёлые юноши и девушки в спортивных блузах, мальчишки и девчонки в красных галстуках: всё это куда-то движется, спешит, летит. Мама

Часть 1. Шары

смотрит в окно, взгляд тревожен: одной рукой она прижимает Пашку, другой — узел с вещами. Трамвай грохочет и трясётся. Нина Петровна поминутно сверяется с бумажкой, в которой написано, где нужно пересаживаться на другой маршрут. Очередной перекрёсток, кто-то в конце вагона кричит: «Уже Площадь Дзержинского?» — его поправляют: «Кировская». Нина Петровна улавливает только первую реплику, остальное тонет в шуме и толкотне. «Неужели проглядели... Пашенька, нам выходить! Скорее!!!» — они пытаются пробиться к выходу, их не пускают, они всё-таки прорываются сквозь бока и спины и скатываются из трамвая на мостовую.

Ошибка обнаруживается, когда трамвай уже укатил, — до нужной пересадки ещё несколько остановок. «Рано вышли, жди теперь другого... Бестолковая баба», — сокрушается мама и пересчитывает монеты. Вот глупость-то, новые билеты придётся покупать, а денег и так в обрез.

На тротуаре толклось поменьше народу, чем у вокзала, но всё равно толпа порядочная. Пролетел слух, что давно не было какого-то «двадцать второго» — за три остановки отсюда образовался затор, и там скопилось несколько вагонов. Народ волновался, некоторые выбегали на мостовую, рискуя попасть под колёса проезжающих автомобилей, и высматривали, не показался ли долгожданный трамвай. Нет, что-то не видно.

Чуть схлынула толпа — те, кто торопился, отправились пешком. Остальные коротали время по-разному: кто-то глазел по сторонам, кто-то лузгал семечки, компания комсомольцев перекидывалась шуточками. Несколько молчаливых деревенских мужиков уселись на корточки у входа в подъезд обшарпанного двухэтажного особняка;

Часть 1. Шары

их спутницы, женщины с такими же непроницаемыми крестьянскими лицами, стояли подле сложенных в кучу котомок и двух допотопных чемоданов.

— Сядь, — сказала Нина Петровна сыну и показала рукой на узел.

— Ма-ам... — Пашка потянул маму за рукав. — Ну, ма-ам...

— Что?

— Можно вон туда, — он показал рукой на перекрёсток, — быстро-быстро сбегать? Я дом интересный видел. Всё равно трамвая нет.

— Ты что!!! Потеряться проще простого. Даже не думай.

— Ты меня всё время будешь видеть, пока я бегу! Когда мы ещё сюда приедём?

Нина Петровна всем своим видом показала, что она не стремится приезжать на эту сумасшедшую улицу ещё раз.

— Ну, ма-ам...

— Гражданка, зря вы мальчика на привязи держите, — обратился к Нине Петровне лысый мужчина в кожанке с портфелем. — Большой совсем, не век же за мамкиной юбкой хорониться!

Нина Петровна смерила гражданина взглядом, хотела возразить, но... вместо этого махнула Пашке — одна нога здесь, другая там! Мало ли что тут за люди, в разговоры вступать нет охоты. Гражданин в кожанке, к счастью, отвязался («своих бы детей лучше воспитывал», — пробурчала еле слышно Нина Петровна), а Пашка радостно поскакал к перекрёстку. Вот сорванец, и не боязно ему по чужим улицам шастать.

Вернулся он действительно через минуту.

Часть 1. Шары

— Мам! Мам!! — Пашка запрыгал вокруг Нины Петровны.

— Не кричи — я слышу.

— Там ступеньки, на них дом с колоннами, сверху большая буква «М». Что это, а?

Нина Петровна не знала.

— Метрополитен, — отозвался всё тот же мужчина с портфелем (прилип всё-таки!). — Неужели не слышали? Ну, дела. Подземная железная дорога, на большой глубине. Станции — дворцы из мрамора.

— А как люди на глубину попадают? — не выдержал Пашка. И тут же получил от матери неласковое: «Молчи!»

— Ага, у молодого поколения-то — интерес к жизни! — обрадовался непрошенный экскурсовод. — Правильные вопросы задаёшь. Не отгораживаешься от прогресса, как некоторые. — Он осуждающе посмотрел на Нину Петровну. — Под землю пассажиров перевозят специальные движущиеся лестницы. А тех, кто приехал с других станций, такие же лестницы поднимают на поверхность. О как.

Нина Петровна ничего не ответила. Но словоохотливый гражданин с портфелем не унимался.

— Столицу не узнать теперь. Метро строят, улицы реконструируют, здания вон какие возводят. А заодно уничтожают анахронизмы, — показал он рукой в противоположную от метро сторону.

Через два дома от остановки, за временным дощатым забором возвышалась старинная колокольня, а справа от неё — небольшой одноглавый храм. Присмотревшись, Пашка увидел, что креста на церкви нет, кровельное железо на крыше местами ободрано, лепнина почти вся разбита.

Часть 1. Шары

— Последние деньки доживает, — внушительно добавил гражданин. — Приговорили, конец.

И действительно, виду церкви был как у приговорённого: мрачно смотрели на свет разбитые стёкла окон, чернели в проёмах лишённые колоколов стропила, и даже закопчённые стены, казалось, потемнели больше, чем у соседних неказистых домов. Картину запустения довершал кивот над крыльцом — с мозаичной иконой, с грубо отбитым ликом.

Народ на остановке слегка зашевелился:

— Смотри-ка, на прошлой неделе кумполок над колокольной держался...

— Позавчера сбросили. И то — мог задавить кого-нибудь.

— Да её бульдозером надо, чего церемониться. Только вид портит.

— Ах ты, Господи, — перекрестилась Нина Петровна. — Храм Божий не пожалели, нехристи!

Рядом зашушукались, на Нину Петровну стали коситься с любопытством. Гражданин в кожанке усмехнулся:

— Так-так... Советскую власть критикуешь, значит? А, граждане, что скажете?!

Вокруг заволновались. Послышались голоса: «Темнота!», «Понаехали вшивые из деревни-матушки»... Высокий комсомолец в синей блузе и значком «КИМ» на груди, стоявший рядом, отошёл в сторону, будто чураясь неприятного соседства. Кто-то неуверенно пробовал вступить: «Да отстаньте от тётки, неграмотная она, без пропаганды-образования...» Другие весело обрывали: «Пусть в Рязань свою косопузую едет, там её образуют!» Деревенские мужики и бабы опасно молчали. Молодой голос из толпы задорно крикнул, что

Часть 1. Шары

надо бы позвать какого-то «сотрудника», благо «это совсем недалеко».

Нина Петровна озиралась вокруг с ужасом: «Что делать, Пашенька? Загубят, загубят...» Пашка молча дёрнул маму за рукав: к остановке подходил трамвай «29».

— Мам, это наш?

— Какой там наш... Скорее отсюда, скорей! — Нина Петровна, запнувшись о камень брусчатки, выронила один из узелков, из которого посыпались сухари.

Пашка бросился подбирать. «Брось, Пань!» — мать схватила его за руку и потащила к дверям. Вскочили на подножку, еле запихнули внутрь узлы. Нина Петровна никак не могла успокоиться, тяжело и шумно дышала. Пашка прижался к ней.

...А сквозь тусклое стекло опять бежала навстречу столица. Неприятная улица закончилась, вынырнули на широченную площадь. С одной её стороны стоял ещё один дом с буквой «М», а в разных направлениях уходили улицы с новыми высокими зданиями. Звонок, остановка, звонок. Трамвай заскрежетал на стыке, свернул на широкий проезд и побежал вниз. Как будто в сказке вырос из-за поворота огромный дворец с колоннами: на высоте скакали по воздуху бронзовые кони, управляемые рукой возникшего, перед дворцом раскинулась красивая площадь с фонтаном; вновь поворот, и — длинная узкая улица поползла вверх: звонки трамвая, переулки, магазины, дома, лошади, автомобили...

— Мам, куда едем-то? — Пашка легонько погладил Нину Петровну по руке.

— Что?.. Ах, Павлуша, нам же не в тот трамвай надо. — Нина Петровна вышла из оцепенения. — Люди добрые,

Часть 1. Шары

подскажите ради Христа, нам в сельскохозяйственную академию. Как добраться бы?

Оказалось, к счастью, что трамвай движется в нужном направлении. Только не доходит нескольких остановок до академии. Мама немного успокоилась, хотя время от времени продолжала вздрагивать. Народу поубавилось, и они уселись на лавку.

Показался монастырь с высокой колокольней, здесь трамвай делал большой круг. На колокольне в вышине чернел крест. Нина Петровна перекрестилась и прошептала: «Не добрались ещё, ироды». Пашка со страхом обернулся, но народ не обращал на них никакого внимания.

Под крестом весь фасад колокольни был закрыт огромным плакатом: рабочий в фартуке бил тяжёлым молотом по наковальне. Из-под наковальни летели брызги и складывались в очертания тракторов и автомобилей. Под рабочим висели большие рельефные буквы: «Автодор».

В монастырские ворота входили служащие с портфелями и папками. Никто из них не крестился на тёмный образ, черневший в высоте над входом.

На другой стороне площади стоял небольшой памятник. Грустный человек склонил голову и задумчиво смотрел куда-то мимо звенящих трамваев, неповоротливых автобусов и бегущих бесконечным потоком людей.

— Мам, ма-а-ам, смотри, это Пушкин, Пушкин! — Пашка даже подпрыгнул на лавке от возбуждения.

Люди заулыбались.

— Ишь, малец, грамотный, — сказал старичок в круглых очках и соломенной шляпе. — «Руслана и Людмилу» знаешь?

Часть 1. Шары

Пашка кивнул. Старичок довольно хмыкнул и что-то пробормотал насчёт обманчивой внешности.

Трамвай заскрежетал, грустный Пушкин скрылся за поворотом. Опять потянулись старые дома, магазины, особняки. Кое-где заборы скрывали новые строящиеся здания. Высокие серые стены с зияющими оконными проёмами, казалось, напирали на соседние двухэтажные домишки с потрескавшейся штукатуркой, настойчиво требуя уступить себе место на кипящих многолюдством улицах. И точно — то там, то здесь груды строительного мусора возвещали о конце очередного особняка.

Показались застава и здание железнодорожной станции. Гудки паровозов напомнили Пашке недавнюю толкотню в поезде, он невольно поёжился. Из трамвая стали выходить пассажиры. Старичок в соломенной шляпе старомодно поклонился на прощанье: «До свидания, молодой человек. Желаю преуспеть в науках-с». Пашка помахал ему в ответ.

— Ох, и нам ведь надо выбираться! — Мама потащила к выходу узел. — Стойте, стойте!

Трамвай было тронулся, но остановился.

— Гражданка, сообщайте быстрее в следующий раз! — крикнул вслед кондуктор.

Через минуту подошёл свой, «сорок первый». Здесь ехала в основном другая публика: молчаливые рабочие в длинных тёмных рубахах, перевязанных ремнями или простыми верёвками. Народ опять прижал Пашку и Нину Петровну к стенке трамвая.

За окном городской пейзаж сменился более привычными картинками: серые избы вдоль дороги, сельские дворы, бесконечные заборы. Стайки тощих кур, важные гуси вокруг

Часть 1. Шары

грязных луж, древние бабули на завалинках, хмуро взирающие на дорогу.

Но, оказалось, на окраинах также ощущалось веяние новой жизни — наверное, даже больше, чем в центре. В городе «новое» существовало в основном в виде строящихся домов-коробок, которые вставляли на место своих пожилых собратьев, в гудении моторов и размашистых буквах плакатов, в громе песен и маршей из тарелок репродукторов. Но в целом облик столицы всё ещё дышал стариной: тесная, шумная первопрестольная, где на одну прямую линию приходится множество кривых улочек и переулков. Древний град, который медленно поддаётся напору стекла и бетона, но пока сопротивляется.

Здесь же, на окраине, за серыми домишками и деревенскими плетнями, по-видимому, рождалось то, что вскоре должно было стать совсем другим городом, индустриальной пролетарской столицей.

Дорога потянулась вдоль длинного глухого забора, сменившегося вскоре изгородью из колючей проволоки. Взгляду открылся огромный пустырь, и Пашка увидел, что метрах в двухстах от трамвайной линии земля будто проваливается вниз в гигантскую яму-котлован. Размеры его поражали. Казалось, это не дело рук человеческих — разве что былинного богатыря Святогора, того, что «выше леса стоячего и ниже облака ходячего». У дальнего края, еле видного отсюда, в сизом дыму с трудом можно было различить каркас гигантского строящегося здания; кое-где конструкции уже достигли уровня земли. Тяжёлые металлические удары, слышные сквозь трамвайные стёкла даже на таком расстоянии, доносились со стороны заводских корпусов. Внизу,

Часть 1. Шары

в тёмном провале, скорее угадывалось, чем просматривалось множество мелких строений, поблёскивающих лужами дорог и чёрных точек — десятков, сотен людей. В провале горели тусклые огни, подымались клубы дыма. «Муравейник», — невольно подумал Пашка. Но, в отличие от муравейника, а может быть, наоборот — так же, как в муравейнике, здесь чувствовалась разумная созидательная сила, благодаря которой всё это собиралось и двигалось.

К котловану подходила разбитая грунтовая дорога, по ней длинной вереницей тащились грузовики и подводы с кирпичом и толстыми кулями. Дорога спускалась вниз, в яму. Оттуда нескончаемым потоком тянулись порожняки. На поверхности вдоль края расположились длинные одноэтажные строения, вероятно, склады.

Трамвай остановился, рабочие выгрузились и направились к проходной, от которой начиналась тропа к котловану.

— Что это, мам?

Нина Петровна, наученная горьким опытом предыдущей беседы, промолчала и только махнула рукой.

— Завод. Еропланы, говорят, будут строить, — пояснила сухонькая старушка, сидевшая на соседней лавке. — Бонбы возить и стрелять оттудова. А чего им летать, на земле сидели бы!

Ух ты, аэропланы... У Пашки захватило дух. Он закрыл глаза и представил себе, как проплывают далеко внизу леса и поля, мелькают в глубине ленты рек и зеркала озёр — а ты летишь навстречу солнцу, сидя в кабине летающей машины, и рассекаешь встречный воздух быстрыми крыльями. Но лететь — это ещё что! Где-то впереди по курсу, за горизонтом, выстраиваются вереницы вражеских самолётов,

Часть 1. Шары

нагруженных бомбами: тяжёлой тучей наплывают они на поля и леса, готовые расстаться со своим грузом. Но с ещё большей высоты внезапно обрушивается на них крылатая смерть: Пашкин аэроплан вместе с другими серебристыми птицами стремительно атакует врагов пулемётными очередями — бомбардировщики горят, прощально машут крыльями и неуклюже сваливаются в штопор... Пашка открыл глаза: пустырь кончился, завод стал невидим. Трамвай нырнул в свежую зелень аллеи, по сторонам замелькали привычные деревенские домики.

— Ты что, замечтался? — Пашка почувствовал, что мама трясёт его за рукав. — Батюшка сейчас уйдёт, благословимся скорей.

Только сейчас Пашка увидел настоятеля: высокий молодой священник стоял на крыльце храма и разговаривал с коренастым пожилым человеком в гимнастёрке, у которого была борода-лопата. Нина Петровна слегка подтолкнула сына вперёд:

— Батюшка, благословите рабов Божиих: Нину и Павла. С Рязанщины мы.

Священник осенил их крестом.

— Надолго к нам?

— Как Бог даст, а мы бы надолго.

— Ну, Григорий Васильевич, вы всё говорите — приход уменьшается. А людей Господь посылает. Слава Богу, рад вам. Павлуша, значит... Неужто у моих гвардейцев пополнение? — Батюшка показал рукой на доски.

Там, в тени под тесовым навесом, сидела слегка оборванная команда в одинаковом наряде: серых холщовых рубахах и широких чёрных штанах — всего три пацанёнка. Ребята

Часть 1. Шары

поглядывали на Пашку, но не выказывали ни радости, ни, впрочем, враждебности. Он на всякий случай принял независимый вид и исподволь стал рассматривать новых знакомцев.

Старшим был худой высокий пацан, с большими голубыми глазами. По виду молчаливый и не петух. Второй, поменьше ростом, — с упорным, дерзким взглядом живых чёрных глаз, смуглый и курчавый. «Пушкин», — подумал Пашка, вспомнив только что виденный памятник и картинку в дореволюционной книге из скудной домашней библиотеки. Третий — светловолосый, маленький и лопоухий, похожий на первого мальчишку; наверное, брат.

Отец Иоанн (так звали священника) подробно расспрашивал Нину Петровну: откуда они прибыли, как житьё на родине, чем собираются промышлять в столице. Узнав, что тётя Таня нашла Нине Петровне хорошую работу, перекрестился:

— Это милость Божия. Сейчас в городе устроиться непросто.

— Батюшка! Батюшка-а-а! — позвали из церкви. Голос звучал настойчиво.

Отец Иоанн спохватился:

— Мне служить пора! Нина Петровна, извините. Рад познакомиться. Надеюсь, в дальнейшем будем видеться.

Мама истово поклонилась отцу Иоанну и шепнула тёте Тане:

— Интеллигентный у вас батюшка. Ох, столица-столица...

— Что ты, мам, всё охаешь, — слегка насупился Пашка. — Ну, столица и столица. Пошли в храм, что ли.

Содержание

Часть 1. Шары	3
--------------------------------	---

Часть 2. Лето «у Академии»

Взгляд назад	71
Доброе житие	85
Полёт «Горького»	110
К дальним берегам	123
Колесим	167
Тарзан	178
Воздушная страна	197
Кроха	217
Пашкин трамвай.	225
Каша заваривается	232
Ноктюрн	241
Шоссейная армия	252
«Степь широкая...»	266
Неважная жизнь.	276
Турнир.	286
Совсем неважная жизнь	293
Битва	316
Тоха на высоте	348

Содержание

Опочивальня	369
«Преславная днесь».	382
Трудный больной	398
Полёт над Колымой	407
Тушинское небо	425
Дергач	481